Б.Р. Рагимова, М.Ш. Ризаханова

Брачная инициатива женщин в дагестанском обществе (XIX – нач. XX в.)

Место и роль женщины в традиционном дагестанском обществе в первую очередь были связаны с ее хозяйственной активностью и участием в материальном производстве. Вследствие активного участия в хозяйстве женщина не могла вести замкнутый образ жизни, скрытый от взоров посторонних, как это предписывалось шариатом и практиковалось в большинстве регионов мусульманского мира. Дагестанская женщина отличалась свободным и независимым поведением, особенно в горном Дагестане. Горянке принадлежало значительное место в семье и исключительная роль в хозяйстве. Свободное и раскрепощенное поведение женщины не могло не отразиться на условиях заключения брака, будь то выбор партнера или проявление брачной инициативы, которые частично были закреплены в обычном праве горцев.

Прямо или косвенно, но адаты свидетельствовали об определенной брачной инициативе дагестанских девушек и женщин. Некоторые факты, хотя и немногочисленные, из полевых и архивных материалов, а также литературные данные отчасти подтверждают это. Обратимся к адатам, так как в них наиболее концентрированно выражена эта модель поведения женщины, которая не могла являться единичным фактом. «Если девушка или вдова сама уйдет к тому лицу, за которого она желает выйти замуж, то суд склоняет стороны совершить брак», – говорится в адатах Тиндальского наибства Андийского округа. Как следует далее из этого адата, женщина может уйти к мужчине, даже не заручившись его согласием: «родственники женщины и то лицо,

к кому она ушла, могут не согласиться на это»[i]. По адатам шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, если чужая невеста убежит к другому, то последний должен дать ей все, что причитается при сватовстве «хотя бы он и не соглашался жениться на ней и показывал, что не был с нею ни в каких супружеских отношениях»[ii]. Впрочем, если мужчина не желал жениться на убежавшей к нему девушке, он с 40 родственниками должен был очиститься присягой для доказательства того, что он не был с убежавшей к нему девушкой в близких отношениях, в противном случае он должен был на ней жениться. Само же бегство девушки, как следует из адата, «легко может быть приписано нетерпеливости, не вменяется ей в преступление»[iii].

Более того, некоторые адаты в оправдание поступка девушки шли вразрез с нормами шариата, по которому воля отца для девушки священна. «Если чья-либо дочь убежит к другому и отец не изъявит желания на вступление ее в брак с лицом, к которому она убежала, а убежавшая пожелает выйти за него замуж, в таком случае власть родительская над нею уничтожается. Кадий заступает на место отца и соединяет ее браком с лицом, к которому она убежала»[iv].

Обычай, по которому девушка уходила к понравившемуся ей мужчине, не ставя его в известность и не заручившись его согласием, уже в начале XX в. казался современникам анахронизмом, а некоторые стали даже забывать его. Как о нововведении говорил о распространении этого обычая у лакцев Д.Б. Бутаев, называя его не иначе, как «ловлей жениха». Мужчина был вынужден, отмечал он, даже против своего желания жениться на убежавшей к нему девушке, так как в противном случае дело принимало весьма печальный оборот. Родители, как правило, не принимали обратно свою опозоренную дочь, на которой никто больше не женился бы. Отвергнутой девушке не оставалось ничего другого, как покончить жизнь самоубийством, что собственно и случилось в 1901 г. с одной молодой девушкой, которая, будучи не принятой избранным ею женихом, бросилась в реку. В подобных случаях вина нередко падала на мужчину, и во избежание этого, ему приходилось

соглашаться на брак, даже если у него уже была семья[v].

Общество, хотя и наказывало убежавшую девушку штрафом и уменьшенными брачными выплатами, вполне допускало подобное развитие событий. Возможно, в памяти были живы отголоски более решительных поступков девушек в выборе жениха, сохранившиеся в преданиях. Этнографы склонны называть это «остатками древних форм заключения брака», «пережитками наиболее ранних форм семейно-брачных отношений»[vi]. Не вдаваясь в детали о правомерности и обоснованности этих утверждений, хотелось бы привести некоторые из подобных сюжетов.

По преданию, у лакцев девушка, которая хотела бы выйти замуж, должна была несколько раз крикнуть *«къурмямяв»* (выражение не переводится), называя при этом имя парня. Девушка выбирала момент, когда все мужчины селения по какому-нибудь поводу собирались в одном помещении, подходила тайком к окошку, громко называла имя желанного юноши, а затем свое имя. Названный юноша обязан был жениться на этой девушке. Одна девушка якобы возмутилась этим обычаем и долго отказывалась выполнять его условие, но ей пришлось уступить, и когда она назвала имя парня, то вслед за этим она крикнула: «Да будет проклят этот обычай, да будет он отныне отменен!»[vii].

Относительно обычая *къурмямяв* С.Ш. Гаджиева приводит слова своего информатора (1895 г.р.), который видел, когда ему было 16 лет, как хорошо одетые девушки, поднявшись на крышу мечети, кричали по два раза «къурмямяв»[viii]. Только что это было? Воспроизведение старого обычая, своеобразный *римейк* в новом исполнении, либо озорство сельских девушек?

А.Г. Булатова упоминала о редкой форме заключения брака *лихъаву*, согласно которому, если юноша отнимал у девушки какой-нибудь предмет, но не делал шагов к сватовству, она приходила с небольшим узелком к родственникам юноши и оставалась у них до тех пор, пока те не добивались согласия юноши и его родных на брак с девушкой[ix]. Впрочем, это мог быть и вариант «брака прикосновением». Обычай, аналогичный *къурмямяв,* существовал и у некоторых андийских народов: *цIцIер джабир* – у андийцев*, цо цолъа* – у хваршин. Девушка или женщина

называла имя избранника, и тот должен был жениться на ней, даже если он уже был женат[x].

Похожий обычай у ботлихцев приводит Б.М. Алимова. У них родители засидевшейся девушки обращались к дибиру, сельскому священнослужителю, чтобы последний устроил «свидание» их дочери с сельскими мужчинами. В пятницу во время молитвы в сопровождении родственницы девушка приходила в мечеть и с закрытым лицом становилась перед мужчинами и в того, на котором останавливался ее выбор, она кидала маленьким камешком. Даже если ее выбор падал на женатого, он обязан был взять ее в качестве второй жены.[xi] Нечто подобное имело место и у дидойцев. У них, если девушка по какой-либо причине засиживалась дома, и если у нее не было отца и братьев, решение ее судьбы могли взять на себя сельский старшина или дибир. Старшина или дибир подходили к дверям или к окну дома девушки и просили ее назвать имя неженатого парня. После некоторого колебания девушка называла имя юноши. Они оповещали юношу о случившемся, и тот должен был на этой девушке жениться[xii].

С.Ш. Гаджиева рассматривает обычай *цIецIад* как проявление брачной инициативы женщин[xiii]. Он был известен аварцам в прежние времена и вновь был восстановлен Шамилем. Его наибы и старшины аулов время от времени собирали вдов и разведенных женщин в одно помещение, а на улицу приглашали неженатых мужчин. Последние должны были кинуть в окно помещения, где находились женщины, свои шапки и женщины выбирали те из них, за чьих владельцев они согласны были выйти замуж[xiv].

Иногда девушки, чтобы не выходить замуж за нелюбимого, являлись инициаторами побега. Доказательством является следующее дело, разбиравшееся в Самурском окружном суде Дагестанской области в 1916–1917 гг. Жительница рутульского селения Шиназ Перизат Сулейман кизы (17 лет) обратилась с прошением в Самурский окружной суд. «Дед мой без моего согласия, – указывала она, – хочет выдать меня замуж за нелюбимого человека, взяв у него деньги. Так как я сирота, не имею ни отца, ни матери, покорнейше прошу окружной суд воспретить моему

деду выдать меня замуж за нелюбимого человека»[xv]. Прошение было составлено после того, как Перизат совершила побег, уговорив бежать с ней своего односельчанина, за которого хотела сама выйти замуж.

Как можно видеть из последнего дела, инициатива побега далеко не всегда принадлежала мужчине, девушки также готовы были на решительные действия, чтобы не выходить замуж вопреки своему желанию. Но общество всегда осуждало подобные действия. Возможно, оно видело в этом один из признаков подрыва общественной нравственности. Санкции общества предусматривались как за насильственное похищение, так и за уход с согласия девушки или женщины. В адатах Ункратль-Чамалальского наибства Андийского округа, о предусмотренных в подобных случаях санкциях сказано следующее: «За увоз девушки без согласия виновный платит отцу 150 руб., штраф 50 руб. и кебинных денег – 4 руб.; с согласия же девушки – в пользу отца ее платит 100 руб., штраф 40 руб. обществу и кебинных – 5 коп. За увоз вдовы взыскивается в пользу родных 100 руб., штраф 50 руб. обществу и 4 руб. кебинных; с согласия же ее – в пользу родных 90 руб., штраф 40 руб. и кебинных 50 коп.»[xvi]. Как видно из приведенных статей, женщинам и девушкам, согласившимся на побег, полагалось особое наказание: их кебинное обеспечение было значительно меньше обычного.

По адатам шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского убежавшей девушке полагалось весьма скромное обеспечение: тот, к кому она убежала, обязан был приготовить для нее из дешевой материи брачное платье, постель, одеяло, подушки, дать ей только пять рублей кебинных денег и внести самый ограниченный калым[xvii].

Таким образом, убежавшая девушка уже своим поступком порочила себя в глазах общества и не могла претендовать на отношение к себе, как к непорочным девушкам. Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что похищения и побеги девушек, хотя и имели место, отнюдь не были распространенным явлением. Поступки девушек, которые по своей воле бежали с мужчиной, встречали резкое противодействие не столько в обществе, сколь-

ко в семье и в семейно-родственном кругу. Считалось, что девушка из приличной семьи никогда не позволит себе подобного поступка. Что же касается многочисленных адатных статей и постановлений, то они зачастую носили превентивный характер, чтобы в случае возникновения подобной ситуации была возможность для принятия необходимого судебного решения.

---

[i] Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл., и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965. С. 130.

[ii] Там же. С. 210.

[iii] Там же.

[iv] Там же.

[v] *Бутаев Д.Б.* Ловля жениха (Из быта казикумухцев) // Каспий. 1906. № 8.

[vi] *Булатова А.Г.* Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.) Махачкала, 2000. С. 264; *Мусаева М.К.* Хваршины XIX – начало XX в. Махачкала, 1995. С. 87.

[vii] *Булатова А.Г.* Лакцы… С. 263.

[viii] *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. М., 1985. С. 160.

[ix] *Булатова А.Г.* Лакцы... С. 264.

[x] *Агларов М.А.* Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у андийцев в XIX в. // СЭ. 1964. № 6. С. 130–132; *Мусаева М.К.* Указ. соч. С. 87.

[xi] *Алимова Б.М., Магомедов Д.М.* Ботлихцы XIX – нач. XX в. Махачкала, 1993. С. 114.

[xii] *Лугуев С.А., Магомедов Д.М.* Дидойцы (цезы). Историко-этнографическое исследование XIX – начало XX века. Махачкала, 2000. С. 115–116.

[xiii] Более точное название – *ц1ерч1вай*

[xiv] *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак… С. 161.

[xv] Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 148. Оп. 10. Д. 7. Л. 1.

[xvi] Памятники... С. 157.
[xvii] Там же. С. 210.